

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Betya Shenker

Interviewer: Julia Kanin

<https://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/betya-shenker>

Content © 2024 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юли Ханина: Меня зовут Юлия Ханина. Это Исторический Проект Кони Айленд. И сегодня мы записываем интервью с Бетей Шенкер, жителем Бруклина, иммигрантом, пережившей гетто на территории Украины во время Второй мировой войны. Здравствуйте, Бетя.

Бетя Шенкер: Здравствуйте!

ЮХ: Расскажите нам, пожалуйста, о себе и о вашем непростом детстве.

БШ: Я жила в Гайвороне, Кировоградской области, до войны. Мне было три с половиной года когда началась война. И мы попали в гетто, станция Бершадь, тоже Винницкая область Украины. Во время войны я была ребенком. Что я помню? Отдельные моменты. Когда заходили... или это были полицаи, или были немцы, или были румыны, мы все сжимались и прятались: мама, сестра моя старшая (которой нет сейчас в живых). Я, мама и моя сестра, мы втроем были в этом гетто. Жили мы вместе с одной семьей — это папины родственники. Потому что мы не имели своего жилья, ничего, потому что мы были приезжие туда. Это не наше место было. Но так, как были родственники, то мы там жили. Помню, что мы прятались в подвале. В основном, прятались та семья, мама и мамина сестра была с маленьким ребенком, который только родился 28 июня. Они все прятались в подвале. А я и бабушка – мы оставались. Вверху нас оставляли. На что нас оставляли? Я не знаю.

Но один эпизод был, как раз зашли румыны, а не немцы. Подвал был закрыт дорожкой такой – узкая такая дорожка. И она как раз прикрывала вход в подвал этот – погреб. И бабушка поставила стул и я сидела у нее на руках. И они начали что-то бабушку спрашивать: я не понимала или что... Но я услышала слово “мама.” И я выскочила с бабушкиных [рук] и начала кричать “Мама тут! Мама тут!” А бабушка встала и начала танцевать, говорит, “да-да, ты тут, тут!” Мол, танцевать. “Она”, говорит, “просит танцевать.” Вот этот момент я помню. Как это так? Бабушка никогда не хотела со мной танцевать, а тут она потанцевала.

И второй момент я хорошо помню. Моя старшая сестра... Там был один раввин, который собирал детей до 16 лет. Но не таких как я, а бывших школьников. Моя сестра кончила четыре класса до войны. Вот таких, первый, второй класс... И он с ними занимался.

ЮХ: Он занимался там, в гетто?

БШ: Там в гетто, занимался он в гетто. Видно учили, в основном, математику или русский язык, чтобы... Все ж надеялись на победу! Слава Богу, победа состоялась. Я помню, что сестра когда приходила – она была очень довольна, потому что знания немножко пополнялись.

Но расстрелы были. Вот брали дома и стреляли. Ну да, это такое было. Мы жили больше на окраине. И вот этот рабай (или раввин) сказал, что нужно на смерть ответить свадьбами. Вот давайте, 16-17 лет (больше не было), будем устраивать свадьбы. А в нашем доме жила моя двоюродная сестра. Мы у них жили, то есть. И она встречалась до войны с мальчиком потому что ей было семнадцать лет или шестнадцать, я точно не помню. И решили устроить свадьбу. Вот я запомнила эти палки, а вверху – простынь. Это делали, как это...

ЮХ: Хуппа?

БШ: Хуппу. И собрались ближайшие соседи. Что там на столе было, я не знаю. Но, единственное что с этого всего я запомнила, мы с мамой сидели на плите. И мне тетя со своего рваного платья перешила мне платьишко. Для меня это была новость. И мама сидя плакала. Там все плакали. Как говорится, пир во время чумы – вот эта свадьба. И я ей кричала, “мама, ты запачкаешь мое платье!” Я говорила только на идиш. Я русский язык не знала потому что я не научилась еще до войны хорошо говорить. Все говорили на идиш, и я научилась только идиш говорить. Только. Я ей говорю, “чего ты плачешь? Ты мне запачкаешь кофту.”

Вот этот момент. А второй момент, вдруг стала тишина и зашли два румына с автоматами. И все сели. Наверное, начали молиться. Я ж не видела. Но страх был ужасный, что он сейчас пальнет с автомата и все. Но для меня это не был страх, просто удивление. И они сразу зашли под хуппу. Под хуппу, и начали что-то там болтать. А потом они увидели, что бутылочки с водками стояли. В общем, короче говоря, они ушли. Никого не тронули. Они ушли, видно были пьяные хорошенько, потому что даже воды не осталось на столе. И ушли. И все. Но больше уже не было хуппы. Вот это я помню, что сняли простынь и палки куда-то дели.

Мы возвращались уже в 44м году была победа, и мы возвращались в Гайворон. И нам дали подводу, и там какой-то скарб, который был. Ехали очень далеко, ведь Бершадь от этого городка где я жила, Гайворон, был около двадцати километров. И мы ехали. И при переправе, там протекала река Буг. Берег был с той стороны, и мы должны были или паромом, или как-то переправиться на нашу сторону, в Гайворон. И упало все на пол. И я оказалась в шкафу закрытом. Вот это я помню, потому что мне уже было шесть с половиной лет, когда мы возвращались. Три года... да, около семи лет. И я сильно кричала, а они кричали и не могли найти меня. А я кричала и стучала, чтобы меня освободили.

Вот и все. Приехав в Гайворон, я в семь лет не пошла в школу потому что идиш. А пошла в школу в восемь лет. И в школе, к сожалению, я не знала ни одного русского слова. Все на идиш. И маме моей сказали: или забирайте ее со школы, или возьмите преподавателя чтобы она изучала русский язык. А где на какие средства взять преподавателей когда ни работы, папа на фронте? Как это так? Ну хорошо, что мама сестре сказала, “давай, учи ее русскому

языку.” И постепенно я начала учить русский язык. Но первую оценку я получила единицу с красным карандашом. Тогда не было ручек красных, а карандаши были черные и красные. Черные – это хорошие оценки, красные – это плохие оценки, наоборот. Я пришла к маме с радостью, я помню, “мама, я получила единицу с красным карандашом!” Вот так.

Это было после войны. Окончила школу я, десять классов. И поехала в Одессу поступать. Мы даже не подали документы потому что нам сказали, я была и моя... Мамин родной брат женился на женщине с двумя детьми. И она была ровесница моя. И мы хотели поступить в лингвин. Нам в школе нравился английский, мы изучали английский язык в школе. И мы когда пришли, а там сидела видно еврейка, и сказала, “Девочки, не подавайте документы, вам ничего не светит здесь.” Вот так она сказала. “Вне зависимости от оценок, вне зависимости сдадите вы экзамены или нет, вам не светит ничего здесь.” Она сказала, “не теряйте время, поступайте в техникумы после десятого класса.” Вот я и поступила в техникум, назывался Пищевой Техникум Украинской ССР. Но факультет хороший тоже нам не достался. Мы поступили после десятого класса, два года и десять месяцев я училась на строителя. Это было промышленное гражданское строительство.

После этого были образованы в Одессе совнархозы. И нас, почти что половину студентов, оставили в Одессе, предоставили нам работу. Сначала нужно было отработать шесть месяцев на рабочих местах (тоже штукатурами или малярами), получить разряд, а потом кому повезет устраивались. И я пошла учиться штукатуром-маляром. Три месяца, я помоему, а потом меня забрал прораб помощником-нормировщиком. И я проработала нормировщиком десять лет. А в 69м году меня перевели в сметно-договорной отдел и я там работала техником, но уже по специальности – техником. И до отъезда в Америку. Мы сначала не хотели ехать в Америку, но моего мужа сын со своей семьей уехал в Америку. Ему было восемнадцать лет. Но мы колебались до девяносто второго года. Вот в девяносто втором году сын его нас вызвал. Это уже после Горбачева были прямые рейсы.

ЮХ: Почему Вы решили переехать? Что к этому привело?

БШ: В Америку?

ЮХ: Да.

БШ: Что привело... Во-первых, мой сын учился в классе, где было всего два еврея. Остальные все были русские. Он учился во втором или третьем классе. Какая-то девочка ему сказала “ты жиденок!” И он десять дней не был в школе. Я об этом не знала. И мне сказала одна мама из родительского комитета. И она сказала, “почему-то Ваш сын не ходит в школу.” Я говорю: как не ходит? Утром его отводят в школу. Говорит, “нет, он не ходит в школу.” И нам сказали, чтобы мы разобрались и доложили учительнице. “Я не знаю почему.” Она говорит, “мы узнаем и скажем.” И они нам сказали, его назвала одна девочка “жиденок,” и он перестал ходить. Он не знал этого слова, и потом ему видимо кто-то объяснил там же. Это был третий или четвертый [класс], я не помню.

Я помню, в седьмом или восьмом классе – мы уже были взрослые. Мы жили в Гайвороне, и там не было каких-то... Частный был домик у нас: комната восемь метров, кухня девять

метров квадратных – две клетушки. Мы жили там четыре человека: я, сестра, папа и мама. Это после войны. Так мы и уехали оттуда. Так у нас баня была очень далеко. И один раз в неделю нужно было пойти. Дома что ты моешься – это не то. А в баню ходили. Мы слышали, когда шли в баню с двумя девочками (у меня подруги были русские, потому что я ж Вам говорю, у нас в классе было всего четыре еврея на 30 человек). Ну тут мы в классе не слышали это слово, а когда проходили ребята меньше нас, которых родители знали кто еврей, кричали “Жидовка идет!” Так эти ребята, которые нас сопровождали, они дрались с ними.

ЮХ: Вы на тот момент в Одессе жили или в другом городе?

БШ: В Одессе было. И она мне сказала. Когда, она говорит, я у своей дочери спросила, она мне сказала. “В чем дело? Почему Боря Шенкер не ходит в школу?” Она сказала, “мама, его назвали жидён (там она фамилию назвала).” И когда она мне сказала, я пошла в школу и с учительницей поговорила. А она [вела] русский язык и литературу и была большой человек – секретарь парт организации этой школы. И я ей сказала, “как это так? Десять дней не ходит ребенок в школу и родителям не сказали.” Мы об этом не знали. Утром мы его отводили в школу, днем он приходил. Мы недалеко от школы жили. Днем он приходил со школы, ключа у него не было. Бегал на улице, пока не приходил папа. Он раньше приходил, а я позже приходила. Пока, говорит, папа не приходил, он бегал на улице. Какие уроки он делал? Дома что-то сделает и все. В общем, она поговорила там, выругала эту девочку, вызвала ее родителей.

Вот это был первый толчок. Второй толчок это было то, что старший сын моего мужа был уже в Америке. Его семья я не знаю почему уехала. Но тогда родители должны были дать согласие о том, что они разрешают второй половине забирать ребенка. И они уехали. И начались перезвоны. Конечно, он скучал за своим сыном. Это естественно. И когда вот началось, что можно прямым рейсом ехать... И он начал звать нас, и мы решили поехать. И дети. Сын сказал, “я уже не хочу здесь.” И невестка. И встал вопрос что мы должны. А они с родителями жены хотели уехать в Германию. А я ему сказала: через мой труп. Германцы нас убивали, немцы, а ты хочешь ехать в эту страну? Через мой труп. И вот этот вопрос решился. Я позвонила сама сыну (ну мы были в хороших отношениях когда он был маленький еще в Одессе еще). Я ему позвонила и сказала, “Володя, ты можешь нас вызвать?” Он сказал, “Конечно!” Вот так мы попали в Америку.

ЮХ: Это в каком году было?

БШ: Это 1992 год когда мы попали в Америку. Ну, как все, мы трудностей конечно... Его сын жил в Нью-Джерси. Мы попали в Нью-Джерси. Мы прожили там четыре месяца. А потом сестра двоюродная моего мужа сказала, “что вы там [делаете]?” Не устроиться на работу нельзя было. Английский мы начали [изучать] – Jewish (*еврейские*) центры там были. Это был Jewish (*еврейский*) центр, которого учителя еврейской национальности – Американцы, сугубо Американцы, не русские, были добровольцы учить нас английскому языку. Значит мы проходили кто какой знал язык и они давали вам level (*уровень*). Дети мои получили (и сын, и невестка), сын получил пятый, высший level, а невестка – четвертый

level. Мой муж учил немецкий язык в школе. И муж успел эвакуироваться, он не был в гетто – его семья жила в Казахстане, Алма-Ата. И там учили немецкий язык. Значит, он ни одной даже буквы не знал по-английски. И когда мы пришли, проверили, ему сказали – нулевой. А мне дали второй level. Я все-таки в школе учила английский. Так что я алфавит и слова уже знала некоторые, и читать я умела. Я отказалась. Только потому, что пошла с ним в нулевой, чтобы хотя бы буквы ему сказать. Она говорит “А” – он сидит. Я говорю, “Это пишется как наша А.” Я ему подсказывала. И что мне понравилось: там эти преподаватели знали с кем они имеют дело, что это люди, которые не знают ни одного слова. Вот они брали мел, и ходили вот так вокруг (группа была небольшая) и она ходила, и всем показывала – “chalk” (мел). И она – “Remember! Remember!” (*Запоминайте! Запоминайте!*) “Повторите за мной это слово!” И все хором повторяли. Я ему подсказывала. А потом, когда она говорит, “What it is?” (*Что это?*) Я ему подсказывала. Вот так вот вместе с ним учила. Все они показывали. У них было терпение к нам. Это очень ценно.

А потом его двоюродная сестра (она уже была здесь, в Бруклине), она приехала и говорит, “Пожалуйста, давайте собирайтесь – и в Бруклин!” А я еще спросила, “чего в Бруклин?” Она говорит, “вы поступите, и дети сразу же поступят в колледжи, и найдете работу. А ты найдешь работу, ты будешь убирать. Ты должна забыть кто ты была в Одессе и чем ты была. Нет! Нету твоей специальности.” Вот так вот, потому что не зная языка, нас не брали. Тогда хоум аттендских офисов в ’92м-’93м было раз-два и обчелся здесь. Это сейчас на каждом углу. И меня не брали потому что я уже и идиш забыла в то время. Можно было поступить в nursing home (*дом престарелых*) на работу в еврейский, но я не знала уже идиш. Отдельные слова я знала. А это нужно было работать с больными, которые знают еврейский только язык. Так что я не могла найти работу. А потом постепенно я пошла работать бэбиситтером. Немножко поработала бэбиситтером. А потом мы уже жили так: муж пять лет не получал никакого пособия. Он был больной. Он не мог работать. Он так и не устроился на работу. А сын пошел вечером учиться в Туро колледж. А невестка пошла в Кингсборо колледж. И она пошла, окончила два года, и пошла работать.

ЮХ: Вы смогли кем-то устроиться или работать в Америке? Или нет?

БШ: Я в Америке не могла работать. Я работала немножко бэбиситтером.

ЮХ: Сколько было Вам лет когда вы переехали в Америку?

БШ: Мне не было еще 55. Я не получила пенсию в Одессе. Муж был пенсионером уже два года. Он на семь лет был старше меня. А я не получила пенсию и мне здесь исполнилось (не в Бруклине), в Нью-Джерси исполнилось, в ’92м году мне исполнилось 55 лет.

Еще одну доброту я поняла, что я попала в страну, где помощь... Очень... У меня была, как потом определили, фибромиома. И я теряла гемоглобин. И когда приехали в Нью-Джерси, мы должны были проходить осмотр медицинский. И когда взяли кровь, они обнаружили. И говорят, “а чем вы болеете?” Я говорю, “ничем.” Я знала, что у меня фибромиома. Мне еще в Одессе [диагностировали]. Но я отказывалась от операции там. Я говорю, “ничем.” Они не понимали, почему такой низкий гемоглобин. Мне сыну моего мужа стыдно было сказать. Он с нами ходил – был у нас переводчиком. И я не говорила. А потом, к моему сын приехал

его товарищ из Чикаго со своей женой. Они уехали рано в Америку. И я говорю, “Аленушка, идем со мной к врачу.” Она говорит, “Пожалуйста.” И она сказала чем... почему у меня такой низкий [гемоглобин]. И они сказали – срочно операцию. А операцию как сделать? Только платно. Мы не получили право еще на операцию. А немедленно нужно было делать. И вот я попала к еврейскому врачу. Это было 15 октября ‘92 года. Почему я запомнила этот [день] – это день моего рождения. Я попала к еврейскому врачу. А ко мне из Израиля моя сестра – она приехала ко мне навестить меня. И мы с ней пошли к этому врачу. И он говорит, “Как же я буду с Вами говорить? Вы не понимаете английский язык.” И я ему сказала, что я не разговариваю по-английски, но некоторые слова я понимаю. Он говорит, “Нет, мне нужно чтобы хорошо Вы понимали.” Я говорю, “нет, хорошо я не [понимаю].” Он говорит, “А у меня нет переводчиков.” А сестра вдруг ему говорит, “А еврейский Вы знаете?” Он говорит, “Отлично.” Моя сестра очень хорошо [говорила]. Она была старшая. И она знала язык. И она его не забыла, как меня били чтобы я забывала этот язык. Не били, но по рукам, “Не пиши! Это вот пиши буквами русскими!” Я же Вам говорю, что я не знала [русский] совершенно... Поэтому я его [еврейский] быстро забыла. Но понимать, я по сегодняшний день еврейский язык знаю. И моя сестра начала с ним разговаривать. Он говорит, “Ей нужна, необходима операция. Необходима! Иначе этот гемоглобин ее убьет! Она теряет кровь! Смотрите, я не знаю чем Вам помочь.”

Когда я вот сказала Вове об этом (ну это сын), он сказал своей жене, “давай, веди ее к врачам.” Значит чтобы подтвердить, что необходима эта операция. Я попала к китайцу, он сказал, “необходимо, но я бесплатно не делаю.” Второй врач был с Индии. Он говорит, “бесплатно мы не делаем операцию. А у Вас еще нет того, чтобы оплатить эту операцию.” И мы вернулись к этому еврею. Мы пришли 15 октября, в мой день Рождения. И был Рош Хашана, праздник еврейский, который мы не знали что это такое. В Одессе тайно, родители мы водили, тогда и в Синагогах запрещали еще ходить. И когда она [сестра] сказала что делать, никто не берется... Он взял опять мое дело. И говорит, “Ой! 15 октября это первый день Рош ха-Шана! Я даю ей мицву. Я делаю ей операцию. У меня в католической больнице есть три места. Я ей сделаю. Я делаю ей мицву.” Мы не знали, что такое мицва. И когда сестра узнала, мы начали плакать. Как это так? Место дорого стоит, и операция, а он делает мицву. Вот так человек не зная нас, но еврей, настоящий американский еврей, он сделал мне операцию. Так что я благодарю Бога, что я живу в этой стране.

ЮХ: Переехал ли кто-то из Ваших родственников или друзей в США тоже?

БШ: Очень много моих сотрудников тут.

ЮХ: А Вам удалось поддерживать связь с тем, кто остался там?

БШ: Да. По сегодняшний день.

ЮХ: Расскажите об этом.

БШ: Значит, мои бывшие сотрудники, с которыми я работала. Я проработала в этой организации (это называлось ОдесТрансСтрой – Одесский Трест Транспортного Строительства), я проработала там где-то приблизительно 30 лет. И когда я уехала, меня

очень многие провожали. И тоже, у нас коллектив был в основном русские и украинцы. Евреев было очень мало. И два человека меня по сегодняшний день поздравляют с Днем Рождения. Только в прошлом году не удалось. И вдруг я вижу звонок – Сан-Франциско. А у меня никого там нет в Сан-Франциско, знакомых никого. Я думаю – кто это? Но я подняла трубку. И слышу женский голос по-русски, “Не кладите трубку только! Я из Сан-Франциско. Я – подруга Вашей сотрудницы. Она каждый год Вас поздравляет с Днем Рождения. А в этом году она не может. И она меня умоляла, чтобы я позвонила Вам 15 октября и поздравила с Днем Рождения потому что она не может.” А уже почти что я здесь 30 лет! И еще одна точно такая же сотрудница. А так, моя подруга она живет в Лос-Анджелесе. Она коренная одесситка. Но опять-таки, мы один раз в неделю разговариваем по телефону.

ЮХ: Какие у Вас были первые впечатления от Америки и совпало ли это с Вашими ожиданиями?

БШ: С ожиданиями не совпало, потому что, Вы знаете, многие уже были в Америке, и были плохие отзывы. И мой муж не хотел ехать. Сын его просил. Он не хотел ехать. Работа хорошая у меня была. Зарплата по тем временам тоже хорошая была. Я работала уже не техником, а инженером. Повысили мне оклад. И мы не хотели уже трогаться с места. Сын очень хотел. Мы не сильно хотели ехать – знали нехорошие отзывы. Но когда первые трудности прошли... Было очень трудно. И невестка моя ходила на уборку, и училась. Потому что получали мы мало, квартира у нас все забирала почти что, муж ничего не получал. А он работать не мог. Так мы ходили: я, сын, и невестка на подработки. Первое время. А потом когда она устроилась на работу, кога сын устроился на работу – уже было легче. И тогда я уже начала благодарить Америку: люди хорошие, когда узнавали, что ты из Украины – относились хорошо. У нас в доме сейчас осталось может быть семей пять или шесть американцев. А когда мы сюда вот [приехали], жили, было наоборот. 80 или 90 процентов американских половина евреев, пришедших в 47м году с Польши. Вы знаете что в Польше было гонение евреев?

И что меня удивило: они не ходят в гости друг к другу. Звонок – я спускаюсь вниз. И так их собиралось десять человек там. И они себе болтали. И мы когда проходили, только одна из них знала идиш. Остальные не знали еврейский язык. И мы когда с лобби проходили, ну первый муж проходил тогда, они к нему обращались, а он же английский не знал. И он не понимал. Так одна говорит, “Ты кто по национальности?” Он говорит, “Еврей.” “О!” говорит, “А идиш ты знаешь?” Он говорит, “Капельку.” Он идиш не знал тоже. Но когда я прошла, я уже знала кто это. Так я говорю, “Я с Вами могу на идиш говорить.” Тогда я еще помнила идиш лучше.

ЮХ: Вы помните как Вы в первый раз побывали на Кони Айленде?

БШ: Да. Я побывала в первый [раз] через Ист одиннадцатую, через мост, мы попали на Брайтон. Это с его двоюродной сестрой, которая уже здесь много жила лет, И первое впечатление – мне Брайтон очень не понравился. Грязь была ужасная. Из русских только был ресторан “Одесса,” и все. А с той стороны [Кони Айленд] вообще не было русских, ни ресторанов, ничего. И среди них был один итальянский рыбный магазин. Вот единственный

кусочек где было чисто. Ну и было грязно ужасно. А потом постепенно русские начали... Появился “Националь” – русские хозяева. Появился, ну вот “Одесса,” появился ну вот “Приморье” ресторан – русский тоже. И постепенно магазины, немножко аптеки. Брайтон стал красивой улицей!

ЮХ: А что насчет той части Кони Айленд которая возле Луна Парка? Мы это имеем ввиду под Кони Айлендом.

БШ: Я была очень часто, когда я смотрела мальчика. Я бывала с ним очень часто в аквариуме. И потом я каждый раз в праздники эти салюты. Я не хожу на салюты. А вижу, мне вот с этого окна... Вот оттуда салюты вижу. Я очень довольна Америкой. Я очень рада, что мы приехали сюда, что я вот уже 31 год живу в Америке. И слава Богу. За все, за все, что делается нам. Мы довольны. А я уже пожилой человек. Мне 85 лет, будет скоро 86.

ЮХ: Как человек, который пережил войну, и прошел через гетто, что для Вас значит День Победы?

БШ: Очень многое значил День Победы. Я понимала уже когда День Победы, была взрослой. Почему, я Вам скажу: школы нас воспитывали. Родители работали. Значит, пионерами должны мы были быть. То есть, сначала октябрятами, потом пионерами, и комсомольцами. Когда был день победы, наши родители праздновали. И мы с ними праздновали день Победы. В основном, только День Победы. На майские праздники мы иногда ходили, а иногда не ходили. Это уже если на работе: не пойдешь – будет меньше зарплата. Пугали, пугали... Но было такое дело. Но День Победы — это большой праздник. И по сегодняшний день, День Победы мы не празднуем. Но в душе, когда 9 мая, я смотрю русское телевидение. И смотрю парад Победы. Сейчас уже три года как я не смотрю.